Sonya Ray

Перья и Кровь

18+

Соня Рей
Перья и Кровь

https://litres.ru/74570328
SelfPub; 2026

Аннотация

Вика получила билет в жизнь мечты — роскошные ужины, экзотические пляжи, главные роли в фильмах самого известного режиссёра страны. Цена оказалась простой: делить Диму с его женой. Он клялся: ещё чутьчуть — и они начнут всё с чистого листа. Вика верила. Пока не нашла в кабинете Димы конверт с её именем — его почерком. Внутри был лишь чистый лист. Ни слова. Только холод по спине: всё не так.

Тем же вечером под колёса машины попала её лучшая подруга — она пошла на встречу вместо Вики. Случайность? Вика начала копаться в прошлом Димы и наткнулась на смерть его прежней любовницы — те же загадочные обстоятельства. Вокруг тишина. А жена Димы, безупречная и пугающе спокойная Таня, будто знает то, о чём Вика не догадывается.

Ктото убирает женщин, оказавшихся слишком близко. И Вика наконец осознаёт: смерть подруги должна была стать её смертью. Теперь, чтобы выжить, ей нужно понять главное — кто в этой игре хищник, а кто жертва. И чьи перья измазаны кровью.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 16

Соня Рей
Перья и Кровь

Глава 1

ГЛАВА 1

Вике исполнилось восемнадцать — и наконец-то это не было просто цифрой в паспорте. Это был ключ, который она сжимала в руке все последние два года, пока ждала. Театральный институт в Петербурге принимал только совершеннолетних — странное, почти жестокое правило, от которого зависела вся её жизнь. Шестнадцатилетней Вике оставалось только смотреть на сайт, перечитывать условия поступления и считать дни. Теперь считать было нечего.

Вика стояла у багажника, будто ноги налились свинцом и не хотели отпускать родной двор. Ей казалось, что воздух здесь, в этом тихом пригороде, стал густым, почти осязаемым — как прощальный шёпот дома, который не хотел её отпускать. А Петербург уже тянул к ней свои холодные щупальца: шум накатывал волнами, слишком громкими, слишком чужими, и каждый звук царапал слух, словно предвещая, что этот город не станет ей другом. Чемодан казался

тяжелее, чем в родном городке, будто впитал в себя все мамины «а вдруг» и «может, подождём ещё год», и теперь эта тяжесть давила на плечи, обещая, что лёгкого пути не будет.

Мама обняла её крепко, до хруста, и тут же отпустила, словно боялась удержать — или, наоборот, боялась, что если продержит ещё секунду, то сама не выдержит и скажет: «Останься». На её ресницах дрожали слёзы, но голос звучал твёрдо, будто она пыталась вложить в эти слова всю ту силу, которой Вике сейчас так не хватало:

— Ты столько лет выходила на сцену в школьном зале, где скрипели половицы и пахло пылью. Теперь иди туда, где половиц не видно из-за софитов.

Вика улыбнулась, но улыбка вышла кривой, как у человека, который слишком долго репетировал уверенность перед зеркалом, пока не стёр из памяти своё настоящее лицо. Внутри всё сжималось, а страх подкатывал к горлу тугой, горькой волной, и в какой-то момент ей показалось, что она чувствует его вкус — металлический, как кровь от прикушенной губы. «А если я не смогу? Если здесь все лучше меня? Если я просто девочка из маленького города, которая слишком много о себе возомнила?» — эти мысли крутились в голове, как заезженная пластинка, заглушая даже уличный гул. И в этом шуме ей вдруг почудилось чужое эхо — будто кто-то

повторял её страхи, шептал их ей на ухо, опережая её собственные мысли.

— Я буду звонить, — торопливо сказала Вика, цепляясь за эту фразу, как за спасательный круг. — Каждый день. Или хотя бы раз в неделю. Честно.

Мама покачала головой, будто хотела сказать, что мир не ждёт обещаний, он ждёт шагов — и эти шаги могут увести так далеко, что любые обещания потеряют смысл.

— Тебе пора, — тихо произнесла она, кивнув на машину. — А то опоздаешь на прослушивание, и весь этот переезд окажется зря.

Эти слова ударили сильнее любых упрёков, потому что в них звучала не жестокость, а горькая правда: мечта не терпит промедления, а города вроде Петербурга не прощают слабости. Вика кивнула, проглотив комок в горле, и села на заднее сиденье такси. Стекло опустилось, и они снова оказались лицом к лицу, будто между ними ещё оставалась тонкая нить, которую можно было ухватить и потянуть назад, к прежней жизни. Вике хотелось крикнуть: «Мам, я боюсь!» — но вместо этого она выдавила:

— Я справлюсь.

Это звучало не как уверенность, а как заклинание, которое она пыталась заставить сработать силой воли. И в ту же секунду ей показалось, что за её спиной, в глубине салона, кто-то тихо усмехнулся — едва уловимо, как сквозняк, который пробегает по комнате, когда никто не открывал окно. Она резко обернулась, но увидела только пустой кожаный подголовник и своё отражение в тёмном стекле — бледное, с расширенными зрачками, будто она уже видела что-то, чего не должна была видеть.

— Я знаю, — тихо ответила мама. — Ты всегда была самой громкой в тишине.

Такси тронулось. Вика прижалась лбом к стеклу, глядя, как мама машет рукой, пока не превратилась в маленькую фигурку, а потом и вовсе исчезла за поворотом. В папке на коленях лежало портфолио: вырезки из газет о школьных постановках, распечатанный монолог, фото, где она смеётся так искренне, что даже на снимке видно — она живёт только на сцене. Но сейчас эта папка казалась не пропуском в мечту, а тяжёлым грузом ответственности — или даже уликой, которая могла выдать её с головой, если кто-то захочет узнать, кем она была до того, как приехала покорять Петербург.

Город становился всё выше, всё громче, всё равнодушнее.

Машины гудели, светофоры мигали, люди спешили, не глядя друг на друга, и в этой безликой суете Вика вдруг увидела странные совпадения: у трёх прохожих были одинаковые шарфы, у двух женщин — одинаковые броши, а у мужчины в чёрном пальто — взгляд, который на долю секунды задержался на ней, будто он её знал. Или будто ждал её.

И впервые Вика по-настоящему осознала: никто здесь не будет подбадривать её, никто не скажет «ты сможешь», потому что никому до неё нет дела. Этот город не обещал ни поддержки, ни лёгких побед. Он просто стоял, огромный и холодный, и ждал, сломается она или пойдёт вперёд. И в этой мысли, пугающей до дрожи, вдруг проскользнуло что-то ещё — не надежда, нет, скорее упрямство, смешанное с тем странным, тягучим чувством, когда ты понимаешь, что уже ввязался в игру, правила которой тебе не объяснили. То самое упрямство, что заставляло её снова и снова выходить на школьную сцену, даже когда коленки тряслись, а голос срывался на первых словах.

«Я всё равно попробую», — прошептала она, сама не зная, кому адресованы эти слова: себе, маме, городу или своей мечте. И в тот момент, когда она произнесла их, такси свернуло на новую улицу, и Вика увидела на стене граффити — небрежно выведенную фразу, от которой по спине пробежал холодок: «Здесь мечты либо становятся легендами, либо ис-

чезают без следа». Она не знала, кто это написал, но ей вдруг показалось, что эти слова были предназначены именно ей.

Вика сидела на заднем сиденье, прижимая к груди папку с портфолио, как щит. Таксист, молчаливый мужчина с седой щетиной и взглядом, который будто прожигал зеркало, не проронил ни слова с момента, как она назвала адрес. Радио само по себе щёлкнуло на волну — резкий, нервный джаз, будто кто-то специально подбирал саундтрек к её панике.

Сначала это было просто стеснение в груди — привычное, знакомое. Так бывало перед выходом на школьную сцену: лёгкие сжимались, будто кто-то туго затягивал корсет. Но сейчас к этому прибавилось что-то новое, чужое. Вика опустила окно на сантиметр, впуская внутрь запах бензина и мокрого асфальта. Воздух был тяжёлым, почти липким, и он не помогал.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить упражнение, которому её научила школьный психолог после того случая, когда она забыла все слова «Ромео и Джульетты» прямо посреди монолога. «Считай вдохи. Четыре секунды — вдох, четыре — задержка, четыре — выдох». Но цифры рассыпались в голове, как бусины из порвавшейся нитки. Вместо счёта там крутилось только одно: «Я не справлюсь. Я не справлюсь. Я не справлюсь».

Город за окном начал плыть. Не от слёз — от того, как быстро менялись картинки: витрины, светофоры, лица прохожих, сливающиеся в одну серую, равнодушную массу. Вика вцепилась пальцами в обивку сиденья, чувствуя, как ногти впиваются в ткань. «Это просто гипервентиляция. Ты не умираешь. Ты просто боишься». Но тело не слушало разум. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание, а в ушах нарастал гул, похожий на шум прибоя — только этот прибой грозил её смыть.

— Эй, с тобой всё в порядке? — голос таксиста прозвучал неожиданно громко, прорвавшись сквозь гул в ушах. Он смотрел на неё в зеркало, и в его взгляде было не столько участие, сколько настороженность человека, который не хочет проблем в салоне.

Вика хотела кивнуть, хотела сказать «да, всё хорошо», но вместо этого из горла вырвался странный, сдавленный звук — что-то между всхлипом и кашлем.

— Просто… немного укачивает, — выдавила она, хватая ртом воздух, который, казалось, становился всё гуще. — Можно… можно чуть медленнее?

Таксист хмыкнул, но скорость не сбавил. Петербург не

умел ехать медленно. Он гнал вперёд, тащил за собой, не спрашивая, готова ли ты.

Вика опустила голову между коленями, как учили в брошюрах про панические атаки. «Сосредоточься на чём-то одном. На текстуре. На звуке. На запахе». Она вцепилась взглядом в шов на своих любимых кедах — тот самый, который она зашивала три раза, потому что не хотела с ними расставаться. Грубая нить, неровные стежки. Это было настоящее. Это было из её мира, из того времени, когда страх был просто страхом, а не чем-то, что могло её раздавить.

И тут радио снова щёлкнуло. И вместо джаза полилась песня — та самая, которую они с мамой всегда включали на полную громкость, когда мыли посуду после ужина. Старая, глуповатая поп-мелодия, от которой мама морщилась, но всё равно подпевала.

Звук ударил по вискам, как вспышка. Перед глазами на секунду потемнело, и Вике показалось, что она сейчас потеряет сознание. «Мама. Позвони маме». Рука потянулась к телефону, пальцы дрожали так сильно, что она не могла попасть по экрану. Раз, второй, третий. Экран не слушался.

— Слушай, если тебя сейчас вырвет, я с тебя двойную плату возьму, — буркнул таксист, и в этом грубом, почти же-

стоком замечании вдруг проскользнуло что-то нормальное. Не сочувствие, нет, но реальность. Это был не кошмар. Это была обычная поездка в обычном такси, и обычный уставший таксист просто хотел спокойно довезти пассажирку.

Эта обыденность странным образом начала гасить панику. Вика глубоко, судорожно вдохнула, и на этот раз воздух всё-таки попал в лёгкие. Не весь, но достаточно, чтобы мир перестал кружиться.

— Простите, — прошептала она, вытирая тыльной стороной ладони выступившую на лбу испарину. — Просто… первый день в новом городе.

Таксист пожал плечами, будто такие сцены были для него частью пейзажа, как светофоры и пробки.

Когда такси наконец свернуло в переулок возле театрального колледжа, Вика почувствовала не облегчение, а новую волну страха — холодную и тяжёлую, как мокрый плащ. Здание колледжа возвышалось над улицей, тёмное, монументальное, с высокими окнами, похожими на пустые глазницы. На афише у входа красовалась фотография девушки — ослепительно красивой, с дерзкой улыбкой и взглядом, в котором читалось: «Я знаю, что я лучшая». Под фото — надпись: «Прослушивания для нового экспериментального проекта.

Только для самых смелых».

Вика застыла у края тротуара, чувствуя, как остатки паники переплавляются в другое чувство — в стыд. «Ты просто девочка из провинции. Что ты здесь делаешь?» Она уже хотела развернуться, сделать вид, что ошиблась адресом, когда из дверей колледжа выбежала девушка — яркая, шумная, с копной шоколадных кудрей и такой энергией, что, казалось, она подсвечивала всё вокруг.

— Ты тоже на прослушивание? — выпалила она, останавливаясь прямо перед Викой и загораживая ей путь к отступлению. — Я думала, я одна такая сумасшедшая, кто пришёл за полчаса. Меня зовут Эля. А ты?

Вика открыла рот, чтобы сказать «нет, я просто мимо проходила», но вместо этого услышала свой собственный голос:

— Вика. И… да. Я тоже.

Эля широко улыбнулась, будто это была самая хорошая новость за день, и схватила Вику за руку, потянув её к дверям.

— Отлично! Значит, мы будем бояться вместе. Говорят, преподаватель сегодня особенно строгий. Но знаешь, что са-

мое смешное? Он любит, когда актёры приходят с красными глазами и дрожащими руками. Говорит, это значит, что они ещё живые.

Они поднялись по ступеням, и Вика вдруг поняла, что паническая атака отступила — не исчезла совсем, а притаилась где-то под рёбрами, готовая вернуться в любой момент. Но сейчас рядом была Эля, которая болтала без умолку, и это создавало вокруг них маленький островок безопасности.

В холле пахло старой пылью, лаком для паркета и чем-то ещё — нервным, электрическим, запахом сотен людей, которые стояли на этом же месте и думали: «Сейчас или никогда». Вика достала из папки распечатку монолога, и бумага предательски задрожала в её пальцах.

Эля заметила это и, не переставая улыбаться, тихо сказала:

— Знаешь, в первый раз у меня так тряслись руки, что я уронила сценарий прямо к ногам преподавателя. Он посмотрел на меня, потом на бумагу, потом снова на меня и сказал: «Вижу, ты искренне переживаешь». И взял меня на роль. Так что… пусть трясутся. Пусть видят, что тебе не всё равно.

Вика слабо улыбнулась, и на этот раз улыбка получилась

настоящей. Не уверенной, нет. Но живой.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь. По коридору прокатился гул голосов. Очередь начинала двигаться.

Вика сжала в пальцах лист с монологом. Паника всё ещё сидела внутри, тяжёлым холодным камнем. Но теперь к ней примешивалось что-то ещё — то самое упрямое, колючее чувство, которое не давало ей сдаться. «Я всё равно попробую», — снова прошептала она про себя. И на этот раз эти слова прозвучали не как заклинание, а как обещание.

Двери в аудиторию распахнулись, выпуская наружу волну шума и света. Какая-то девушка вышла оттуда, вытирая слёзы. Вика посмотрела на Элю, та кивнула: «Ты справишься». И Вика шагнула вперёд, навстречу свету, навстречу страху, навстречу своей первой битве за место под софитами.

Глава 2

ГЛАВА 1

Вика стояла у багажника, будто ноги налились свинцом и не хотели отпускать родной двор. Ей казалось, что воздух здесь, в этом тихом пригороде, стал густым, почти осязаемым — как прощальный шёпот дома, который не хотел её отпускать. А Петербург уже тянул к ней свои холодные щупальца: шум накатывал волнами, слишком громкими, слишком чужими, и каждый звук царапал слух, словно предвещая, что этот город не станет ей другом. Чемодан казался тяжелее, чем в родном городке, будто впитал в себя все мамины «а вдруг» и «может, подождём ещё год», и теперь эта тяжесть давила на плечи, обещая, что лёгкого пути не будет.

Мама обняла её крепко, до хруста, и тут же отпустила, словно боялась удержать — или, наоборот, боялась, что если продержит ещё секунду, то сама не выдержит и скажет: «Останься». На её ресницах дрожали слёзы, но голос звучал твёрдо, будто она пыталась вложить в эти слова всю ту силу, которой Вике сейчас так не хватало:

— Ты столько лет выходила на сцену в школьном зале,

где скрипели половицы и пахло пылью. Теперь иди туда, где половиц не видно из-за софитов.

Вика улыбнулась, но улыбка вышла кривой, как у человека, который слишком долго репетировал уверенность перед зеркалом, пока не стёр из памяти своё настоящее лицо. Внутри всё сжималось, а страх подкатывал к горлу тугой, горькой волной, и в какой-то момент ей показалось, что она чувствует его вкус — металлический, как кровь от прикушенной губы. «А если я не смогу? Если здесь все лучше меня? Если я просто девочка из маленького города, которая слишком много о себе возомнила?» — эти мысли крутились в голове, как заезженная пластинка, заглушая даже уличный гул. И в этом шуме ей вдруг почудилось чужое эхо — будто кто-то повторял её страхи, шептал их ей на ухо, опережая её собственные мысли.

— Я буду звонить, — торопливо сказала Вика, цепляясь за эту фразу, как за спасательный круг. — Каждый день. Или хотя бы раз в неделю. Честно.

Мама покачала головой, будто хотела сказать, что мир не ждёт обещаний, он ждёт шагов — и эти шаги могут увести так далеко, что любые обещания потеряют смысл.

— Тебе пора, — тихо произнесла она, кивнув на машину.

— А то опоздаешь на прослушивание, и весь этот переезд окажется зря.

Эти слова ударили сильнее любых упрёков, потому что в них звучала не жестокость, а горькая правда: мечта не терпит промедления, а города вроде Петербурга не прощают слабости. Вика кивнула, проглотив комок в горле, и села на заднее сиденье такси. Стекло опустилось, и они снова оказались лицом к лицу, будто между ними ещё оставалась тонкая нить, которую можно было ухватить и потянуть назад, к прежней жизни. Вике хотелось крикнуть: «Мам, я боюсь!» — но вместо этого она выдавила:

— Я справлюсь.

Это звучало не как уверенность, а как заклинание, которое она пыталась заставить сработать силой воли. И в ту же секунду ей показалось, что за её спиной, в глубине салона, кто-то тихо усмехнулся — едва уловимо, как сквозняк, который пробегает по комнате, когда никто не открывал окно. Она резко обернулась, но увидела только пустой кожаный подголовник и своё отражение в тёмном стекле — бледное, с расширенными зрачками, будто она уже видела что-то, чего не должна была видеть.

— Я знаю, — тихо ответила мама. — Ты всегда была са-

мой громкой в тишине.

Такси тронулось. Вика прижалась лбом к стеклу, глядя, как мама машет рукой, пока не превратилась в маленькую фигурку, а потом и вовсе исчезла за поворотом. В папке на коленях лежало портфолио: вырезки из газет о школьных постановках, распечатанный монолог, фото, где она смеётся так искренне, что даже на снимке видно — она живёт только на сцене. Но сейчас эта папка казалась не пропуском в мечту, а тяжёлым грузом ответственности — или даже уликой, которая могла выдать её с головой, если кто-то захочет узнать, кем она была до того, как приехала покорять Петербург.

Город становился всё выше, всё громче, всё равнодушнее. Машины гудели, светофоры мигали, люди спешили, не глядя друг на друга, и в этой безликой суете Вика вдруг увидела странные совпадения: у трёх прохожих были одинаковые шарфы, у двух женщин — одинаковые броши, а у мужчины в чёрном пальто — взгляд, который на долю секунды задержался на ней, будто он её знал. Или будто ждал её.

И впервые Вика по-настоящему осознала: никто здесь не будет подбадривать её, никто не скажет «ты сможешь», потому что никому до неё нет дела. Этот город не обещал ни поддержки, ни лёгких побед. Он просто стоял, огромный и холодный, и ждал, сломается она или пойдёт вперёд.

И в этой мысли, пугающей до дрожи, вдруг проскользнуло что-то ещё — не надежда, нет, скорее упрямство, смешанное с тем странным, тягучим чувством, когда ты понимаешь, что уже ввязался в игру, правила которой тебе не объяснили. То самое упрямство, что заставляло её снова и снова выходить на школьную сцену, даже когда коленки тряслись, а голос срывался на первых словах.

«Я всё равно попробую», — прошептала она, сама не зная, кому адресованы эти слова: себе, маме, городу или своей мечте. И в тот момент, когда она произнесла их, такси свернуло на новую улицу, и Вика увидела на стене граффити — небрежно выведенную фразу, от которой по спине пробежал холодок: «Здесь мечты либо становятся легендами, либо исчезают без следа». Она не знала, кто это написал, но ей вдруг показалось, что эти слова были предназначены именно ей.

Вика сидела на заднем сиденье, прижимая к груди папку с портфолио, как щит. Таксист, молчаливый мужчина с седой щетиной и взглядом, который будто прожигал зеркало, не проронил ни слова с момента, как она назвала адрес. Радио само по себе щёлкнуло на волну — резкий, нервный джаз, будто кто-то специально подбирал саундтрек к её панике.

Сначала это было просто стеснение в груди — привычное, знакомое. Так бывало перед выходом на школьную сце-

ну: лёгкие сжимались, будто кто-то туго затягивал корсет. Но сейчас к этому прибавилось что-то новое, чужое. Вика опустила окно на сантиметр, впуская внутрь запах бензина и мокрого асфальта. Воздух был тяжёлым, почти липким, и он не помогал.

Она закрыла глаза, пытаясь вспомнить упражнение, которому её научила школьный психолог после того случая, когда она забыла все слова «Ромео и Джульетты» прямо посреди монолога. «Считай вдохи. Четыре секунды — вдох, четыре — задержка, четыре — выдох». Но цифры рассыпались в голове, как бусины из порвавшейся нитки. Вместо счёта там крутилось только одно: «Я не справлюсь. Я не справлюсь. Я не справлюсь».

Город за окном начал плыть. Не от слёз — от того, как быстро менялись картинки: витрины, светофоры, лица прохожих, сливающиеся в одну серую, равнодушную массу. Вика вцепилась пальцами в обивку сиденья, чувствуя, как ногти впиваются в ткань. «Это просто гипервентиляция. Ты не умираешь. Ты просто боишься». Но тело не слушало разум. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая дыхание, а в ушах нарастал гул, похожий на шум прибоя — только этот прибой грозил её смыть.

— Эй, с тобой всё в порядке? — голос таксиста прозву-

чал неожиданно громко, прорвавшись сквозь гул в ушах. Он смотрел на неё в зеркало, и в его взгляде было не столько участие, сколько настороженность человека, который не хочет проблем в салоне.

Вика хотела кивнуть, хотела сказать «да, всё хорошо», но вместо этого из горла вырвался странный, сдавленный звук — что-то между всхлипом и кашлем.

— Просто… немного укачивает, — выдавила она, хватая ртом воздух, который, казалось, становился всё гуще. — Можно… можно чуть медленнее?

Таксист хмыкнул, но скорость не сбавил. Петербург не умел ехать медленно. Он гнал вперёд, тащил за собой, не спрашивая, готова ли ты.

Вика опустила голову между коленями, как учили в брошюрах про панические атаки. «Сосредоточься на чём-то одном. На текстуре. На звуке. На запахе». Она вцепилась взглядом в шов на своих любимых кедах — тот самый, который она зашивала три раза, потому что не хотела с ними расставаться. Грубая нить, неровные стежки. Это было настоящее. Это было из её мира, из того времени, когда страх был просто страхом, а не чем-то, что могло её раздавить.

И тут радио снова щёлкнуло. И вместо джаза полилась песня — та самая, которую они с мамой всегда включали на полную громкость, когда мыли посуду после ужина. Старая, глуповатая поп-мелодия, от которой мама морщилась, но всё равно подпевала.

Звук ударил по вискам, как вспышка. Перед глазами на секунду потемнело, и Вике показалось, что она сейчас потеряет сознание. «Мама. Позвони маме». Рука потянулась к телефону, пальцы дрожали так сильно, что она не могла попасть по экрану. Раз, второй, третий. Экран не слушался.

— Слушай, если тебя сейчас вырвет, я с тебя двойную плату возьму, — буркнул таксист, и в этом грубом, почти жестоком замечании вдруг проскользнуло что-то нормальное. Не сочувствие, нет, но реальность. Это был не кошмар. Это была обычная поездка в обычном такси, и обычный уставший таксист просто хотел спокойно довезти пассажирку.

Эта обыденность странным образом начала гасить панику. Вика глубоко, судорожно вдохнула, и на этот раз воздух всё-таки попал в лёгкие. Не весь, но достаточно, чтобы мир перестал кружиться.

— Простите, — прошептала она, вытирая тыльной стороной ладони выступившую на лбу испарину. — Просто…

первый день в новом городе.

Таксист пожал плечами, будто такие сцены были для него частью пейзажа, как светофоры и пробки.

Когда такси наконец свернуло в переулок возле театрального колледжа, Вика почувствовала не облегчение, а новую волну страха — холодную и тяжёлую, как мокрый плащ. Здание колледжа возвышалось над улицей, тёмное, монументальное, с высокими окнами, похожими на пустые глазницы. На афише у входа красовалась фотография девушки — ослепительно красивой, с дерзкой улыбкой и взглядом, в котором читалось: «Я знаю, что я лучшая». Под фото — надпись: «Прослушивания для нового экспериментального проекта. Только для самых смелых».

Вика застыла у края тротуара, чувствуя, как остатки паники переплавляются в другое чувство — в стыд. «Ты просто девочка из провинции. Что ты здесь делаешь?» Она уже хотела развернуться, сделать вид, что ошиблась адресом, когда из дверей колледжа выбежала девушка — яркая, шумная, с копной шоколадных кудрей и такой энергией, что, казалось, она подсвечивала всё вокруг.

— Ты тоже на прослушивание? — выпалила она, останавливаясь прямо перед Викой и загораживая ей путь к отступ-

лению. — Я думала, я одна такая сумасшедшая, кто пришёл за полчаса. Меня зовут Эля. А ты?

Вика открыла рот, чтобы сказать «нет, я просто мимо проходила», но вместо этого услышала свой собственный голос:

— Вика. И… да. Я тоже.

Эля широко улыбнулась, будто это была самая хорошая новость за день, и схватила Вику за руку, потянув её к дверям.

— Отлично! Значит, мы будем бояться вместе. Говорят, преподаватель сегодня особенно строгий. Но знаешь, что самое смешное? Он любит, когда актёры приходят с красными глазами и дрожащими руками. Говорит, это значит, что они ещё живые.

Они поднялись по ступеням, и Вика вдруг поняла, что паническая атака отступила — не исчезла совсем, а притаилась где-то под рёбрами, готовая вернуться в любой момент. Но сейчас рядом была Эля, которая болтала без умолку, и это создавало вокруг них маленький островок безопасности.

В холле пахло старой пылью, лаком для паркета и чем-то ещё — нервным, электрическим, запахом сотен людей, ко-

торые стояли на этом же месте и думали: «Сейчас или никогда». Вика достала из папки распечатку монолога, и бумага предательски задрожала в её пальцах.

Эля заметила это и, не переставая улыбаться, тихо сказала:

— Знаешь, в первый раз у меня так тряслись руки, что я уронила сценарий прямо к ногам преподавателя. Он посмотрел на меня, потом на бумагу, потом снова на меня и сказал: «Вижу, ты искренне переживаешь». И взял меня на роль. Так что… пусть трясутся. Пусть видят, что тебе не всё равно.

Вика слабо улыбнулась, и на этот раз улыбка получилась настоящей. Не уверенной, нет. Но живой.

Где-то в глубине здания хлопнула дверь. По коридору прокатился гул голосов. Очередь начинала двигаться.

Вика сжала в пальцах лист с монологом. Паника всё ещё сидела внутри, тяжёлым холодным камнем. Но теперь к ней примешивалось что-то ещё — то самое упрямое, колючее чувство, которое не давало ей сдаться. «Я всё равно попробую», — снова прошептала она про себя. И на этот раз эти слова прозвучали не как заклинание, а как обещание.

Двери в аудиторию распахнулись, выпуская наружу волну шума и света. Какая-то девушка вышла оттуда, вытирая слёзы. Вика посмотрела на Элю, та кивнула: «Ты справишься». И Вика шагнула вперёд, навстречу свету, навстречу страху, навстречу своей первой битве за место под софитами.